

Алексей Будищев

Евтишкино дело

Алексей Будищев

Евтишкино дело

«Public Domain»

1897

Будищев А. Н.

Евтишкино дело / А. Н. Будищев — «Public Domain», 1897

«Было поздно. Рабочие уже давно вернулись с поля, управили все по дому и ушли в людскую избу, чтобы покурить перед ужином сигарку расправить вспотевшие спины и для развлечения снисходительно поругаться со стряпухой; скотина была уже загнана, а птица расселась по насестам, когда владелец хутора, Артамонов, вышел из своего маленького домика, чтобы лично перед ужином обойти и осмотреть всю усадьбу. Хутор Ксенофонта Артамонова стоит среди поля, возле суглинистого, с крутыми берегами оврага, в полуверсте от маленькой деревушки Безымянки...»

© Будищев А. Н., 1897

© Public Domain, 1897

Алексей Будищев

Евтишкино дело

Было поздно. Рабочие уже давно вернулись с поля, управили все по дому и ушли в людскую избу, чтобы покурить перед ужином сигарку расправить вспотевшие спины и для развлечения снисходительно поругаться со стряпухой; скотина была уже загнана, а птица расселась по насестам, когда владелец хутора, Артамонов, вышел из своего маленького домика, чтобы лично перед ужином обойти и осмотреть всю усадьбу. Хутор Ксенофонта Артамонова стоит среди поля, возле суглинистого, с крутыми берегами оврага, в полуверсте от маленькой деревушки Безымянки. Узкая речонка, неглубокая и с отлогими берегами, огибает артамоновский сад, разросшийся на свободе, без призора и наполовину заросший бурьянником. Речонка блестит, как стеклышко, и делает у сада никому ненужные городочки и загогулилки. Она точно наслаждается красотой могучих дубов и не спешит покинуть приветливые берега сада, но потом, как бы вспомнив о своих прямых обязанностях, круто повертывает в сторону и бежит прямая, как стрелка, поить зелёные поля, перепоясывая их, как серебряный пояс.

Ксенофонт Ильич отворил полотно ворот и долго простоял там на одном месте, внимательно оглядываясь по сторонам и как бы не решаясь двинуться вперед. Ночь была темная и непогодная, с тревожным шелестом трав и деревьев, с беспокойными порывами упорного северо-восточного ветра, хмурая и неприветливая, точно кого-то подстерегающая, против кого-то злоумышляющая и только выжидающая благоприятного случая. Её странные трепетания, неожиданные, как подергивания нервного человека, казалось, не предвещали ничего хорошего, и Артамонов как-то весь съёжился и заволновался. Он даже слегка оробел.

Это был человек лет сорока пяти, с желтоватым, несколько обрюзгшим лицом, невысокий, сутуловатый и коротконогий, с большой несуразной головой и беспокойными, недружелюбными глазами. Бороду и усы он брил, волосы стриг под гребенку, а на голове носил фуражку с черным бархатным околышем и кокардой, прицепленной по-граждански, выше околыша.

Артамонов постоял, пощупал в кармане широкого люстринового пиджака холодное дуло револьвера и двинулся в путь, в обход, к скотным сараям. «Уж не Евтишкино ли это дело?» внезапно прошептал он, беспокойно хмурясь и медленно подвигаясь вперед. Дело в том, что он вспомнил о пожаре, случившемся на его хуторе вчера ночью. У него сгорела баня, которая в этот день хотя и топилась, но, тем не менее, Ксенофонт Ильич особенной причины к её пожару не усматривал и подозревал поджог... «Уж не Евтишкино ли это дело, – думал он, беспокойно озираясь по сторонам, – уж не придрал ли он из Сибири и не поджог ли для острастки мою баню? Знай, дескать, наших! Мы, дескать, восвояси вернулись! Держись, дескать, Ксенофонт Ильич!» Артамонов пошевелил губами. «Баня-то, Бог с ней, – продолжал он свои размышления, – баня-то недорого стоит, но что ежели Евтишка скотный двор подпалить задумал, ежели он всю усадьбу хочет, как метлой, смести, что ежели он до головы моей добирается? Тогда-то что предпринять?» Ксенофонт Ильич даже остановился. Он простоял несколько минут, почесывая бритый подбородок и, наконец подумал: «впрочем, если Евтишка пришёл, мы еще поспорим, кто кого проглотит скорее!» Он улыбнулся одними губами и снова двинулся к скотным сараям.

Между тем ветер усиливался, шелестя в овраге густыми порослями лозняка и переворачивая наизнанку их узкие листья. Косматые тучи ходили целыми стадами, а звезды совсем не показывались на небе.

Артамонов внезапно метнулся в сторону. Его сердце испуганно затокало; ему показалось, что кто-то швырнул ему под ноги какой-то лоскут. Но дело объяснилось просто: порывистый ветер кинул ему под ноги скомканным листком бумаги, Бог весть откуда занесённым. Ксенофонт Ильич нагнулся, машинально поднял этот листок, сунул его в карман своего пиджака

и подумал: «Чего это я так робею? Когда служил, мало ли, бывало, какие истории случались, и все-таки я, благодаря Бога, преуспевал, злоумышленников своих в ложке воды топил и капиталы умножал. Бог не выдаст, свинья не съест! Если Евтишка действительно думает тягаться со мною, я его превращу в комок грязи и вполне на законном основании». Артамонов таким образом успокоил себя, выпрямился и пошел вперед, как будто с презрительной улыбкой на губах, и не без удовольствия нащупывая в кармане дуло револьвера. Он решился бороться и защищать свое имущество в случае надобности с оружием в руках, до последней капли крови.

Маленькое, в 150 десятин земли, именье досталось Артамонову далеко не даром. Он приобрел его семь лет тому назад после двадцатилетней службы в канцелярии полицейского управления, – службы каторжной, с подвохами, каверзами и закорючками. Во все время этой службы Ксенофонт Ильич берег каждую копейку пуще глаза, отказывал себе решительно во всем, обедал частенько хлебом и двухкопеечной воблой, а платье носил, переворачивая его и так и сяк по нескольку раз. Кроме того, он потихоньку отдавал в рост каждую убереженную копейку. Таким образом, в продолжение двадцати лет ему удалось скопить около 3,5 тысяч, из которых две он дал займы мещанину Коперникову под залог его хутора при деревне Безымянке. Имение это вскоре перешло за долг Артамонову, и таким образом Ксенофонт Ильич сделался землевладельцем-собственником.

Артамонов был уже около скотных сараев, и тут ему внезапно пришло в голову: «А что это собак сторожевых не видно? Неужели их еще не выпускали из ямы? или это тоже Евтишкиных рук дело?» Ксенофонт Ильич снова заволновался и забеспокоился и круто повернул от скотных сараев к рабочей избе. «Где это собаки?» подумал он, почесывая бритый подбородок. Артамонов держал двух сторожевых собак, злых и крупных. Они выпускались только на ночь, а днем их запирали в темную яму для того, чтобы они были злее и нелюдимее. Такой способ воспитания собак Артамонов ввел у себя ровно 5 лет тому назад, с того времени, как Евтишка ушел в Сибирь. Рабочие уже встали из-за ужина, когда Ксенофонт Ильич вошел к ним в избу.

– А где сторожевые собаки? – спросил он старшего рабочего. – Почему ты не выпускаешь их из ямы?

Работник вытер усы и попутно оправил нос.

– Как не выпускал, Ксенофонт Ильич? Я их давно выпустил; как солнышко закатилось, так и выпустил. Уж не ушли ли они на деревню? Нет ли там, Ксенофонт Ильич, свадьбы собачьей?

Ксенофонт Ильич впал в раздражение.

– Свадьбы, свадьбы, – передразнил он рабочего, подозрительно заглядывая в его глаза, – то-то у вас одни пакости на уме!

Ксенофонт Ильич нахмурился еще более и вышел из избы. Он прошёл за ворота и стал легонько посвистывать, прислушиваясь в перерывах. Но собаки не шли на свист хозяина. Они точно сквозь землю провалились, и на печальный зов Артамонова откликались только поросли лозняка, тревожно трепетавшие и шелестящие в темном русле оврага. Ксенофонту Ильичу казалось порою, что там возилось и щетинилось какое-то неуклюжее и беспокойное животное, и страх все более и более овладевал его сердцем. Он понял, что Евтишка пришел из Сибири, обрек его, Ксенофонта Ильича, на гибель и предусмотрительно удалил собак. «Прибрал собак в надлежащее место», прошептал Ксенофонт Ильич и, однако, нашел в себе силы выпрямиться во весь рост, притворно, как бы ломаясь перед кем-то зевнуть и произнести вслух:

– Если ты, братец ты мой, добираешься до моей головы, то я раскрою твою собственную!

Артамонов снова хотел было двинуться в обход, но внезапно присел с громко бьющимся сердцем, чувствуя, что его спину обдало холодным потом. Ему показалось, что какая-

то тень метнулась из канавы к скотным сараям, скользнула вдоль стены и как бы слилась с одним из столбов, поддерживающих крышу. Ксенофонт Ильич, пригнувшись и стараясь мягче ступать, побежал к канаве, потом для чего-то возвратился назад, как заметавшийся с перепугу заяц и, наконец, снова повернул к сараю, внезапно исполняясь непоколебимой решимости. Однако у самых сараев он остановился и тихонько кашлянул. На него внезапно напал страх, и столкновение с Евтишкой сейчас и лицом к лицу показалось ему донельзя опасными. Ксенофонт Ильич снова кашлянул. Он надеялся, что Евтишка, прячась за столбами сарая, испугается, услышав его кашель. Он поймет, что о его прибытии знают и за ним наблюдают. После этого Ксенофонт Ильич тихонько поуськал, как бы натравливая на кого-то собак, и только после таких предосторожностей он, наконец, решился двинуться вперед. Он внимательно оглядел каждую ямку и каждый столбик, но, однако, не нашел ничего подозрительного. Тем не менее это его нисколько не успокоило, так как и в прибытии из Сибири Евтишки Ксенофонт Ильич уже верил безусловно, а отсутствие явных на то улик объяснял замечательной осторожностью злоумышленника. Он понял, что бороться с Евтишкой не так-то легко, как он думал. Все это повергло его в такое уныние что Ксенофонт Ильич немедленно пошел домой, беспокойно сверкая глазами и нашептывая:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.